

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

ХОСЕ МАНУЭЛЬ ГОМЕС-ТАБАНЕРА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДОВ ИСПАНИИ

ДОИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Заселение Иберийского полуострова произошло в раннем палеолите. Наиболее ранние костные останки датируются мустьерским периодом. Гибралтарская скала принесла в 1848 г. первую находку, получившую впоследствии наименование *Homo neandertalensis*. Позднее останки неандертальцев были обнаружены в Баньолас (Херона), Кова Негра де Хатива (Валенсия) и Куэва де ла Каригуэла близ Пиньяр (Гранада). Однако древние стоянки на террасах реки Мансанарес (Мадрид), в Пиньедо (Толедо), Торральба (Сория), Вила Нозме (Гуарда) и др. дают основание для предположения о существовании на полуострове людей, родственных *Atlantthropus mauritanicus* Aramb *Euranthropus staneri*, представителей индустрии нижнего палеолита (аббевилль, аншель, клектон и т. д.).

В верхнем палеолите появляются представители людей вида *Homo Sapiens*, которые вытеснили неандертальцев с полуострова. Возможно, что кроманьонские люди проникли в Центральную и Западную Европу из Азии сорок тысяч лет назад. Другая волна кроманьонцев заселила африканский континент. Кроманьонцы оставили каменные орудия ориньяко-перигорской культуры, изученные Брейлем и Пейрони. Граветтская культура, получившая название по стоянке Ла Граветт во Франции, соответствует четвертой ступени перигорской, разновидностью которой она и является.

Итак несомненно, что около тридцати тысяч лет тому назад на Иберийский полуостров проникли бродячие охотники, более или менее однородные в расовом и культурном отношении, которые и представляют здесь первых неантропов в строгом смысле этого слова. Несмотря на сотни сменившихся поколений, кроманьонский тип, преобладавший тогда на полуострове, встречается и теперь в некоторых районах, как, например, в баскско-наваррском районе. В древние времена этот тип был распространен по всему полуострову, и в настоящее время достаточно хорошо изучен. Мы встречаемся с ним в мадленских слоях Куэва дель Кастильо (Пуэнте Виесго, Сантандер), Куэва де Уртиага (Касерио де Итсиар, Дева, Гипускоа), Куэва де Парбальо (Гандиа, Валенсия), Куэва дель Барранк Бланк в Ротове (Валенсия) и Куэва де Нерха (Малага).

Ископаемый человек из Ротовы (Валенсия) по своему строению очень похож на ископаемых представителей современного человека, найденных в Мекта эль Арби и Афалу бу Руммель на севере Африки. Они были первыми представителями европеоидной расы, проникшими из Африки на Канарские острова. Там и ныне встречается сходный антропологический тип с примесью элементов, характерных для более позднего населения Испании. Кроме этого типа, который мы с известными оговорками называем перигорским, на полуострове нередко находки черепов ориньякского типа (Комб-Капелль), который был представлен среди неолитического и энеолитического населения. Примером могут служить палеоантропологические находки в озерной стоянке Ла Эрета дель Педрегал в Наварес (Валенсия). Характерные для палеолита комбинации признаков проглядывают также в находках в Бобила Мадурелль (Сан Кирсе де Галинсерс, Барселона), в Альколеа (Кордова) и даже в Эль Аргаре (Альмерия).

Португальский антрополог Мендес Корреа считает, что следы африканских влияний на Пиренейском полуострове видны и в португальском мезолите. В местечке Муге на левом берегу Тахо, в 80 км от Лисабона, найдены останки ископаемого человека с негроидными признаками, занимавшегося рыболовством и сбором моллюсков. По мнению Мендес Корреа, так называемый Ното афер taganus близок к «негроидам» Гримальди и имеет несомненно африканское происхождение.

Оставляя в стороне полемику, вызванную тезисом Мендес Корреа, против которого выступили такие авторитеты, как Валлуа и Брейль, вообще отрицающие наличие негроидных черт у человека из Муге, отметим, что ныне вопрос кажется окончательно выяснен аббатом Жаном Рошем. Его исследования мезолитической индустрии, и особенно так называемых «трапений», в районе Моита до Себастиао говорят об их чисто местном происхождении.

Таковы же, и возможно даже более решительны, выводы советского антрополога Г. Ф. Дебеца, выступившего на V Международном конгрессе антропологов. Г. Ф. Дебец считает человека из Муге представителем протосредиземноморского типа, сходного с тем, который он описал по находкам из Крыма. Тип мезолитического населения сохранился также на севере полуострова в астурийских и азийских горизонтах, и, кроме того, в так называемом пиренейском типе.

После появления на Иберийском полуострове земледельческой культуры, в течение третьего тысячелетия до н. э. на юге и юго-востоке стали основываться колонии земледельцев. Логично предположить, что с новым населением появился человек протосредиземноморского типа. Эту культуру Мартинес Санта-Олалья называет древним неолитом, а Альмагро — испанским неолитом I. Антропологически люди этой культуры представляли собою вариант средиземноморского долихокранного типа, который Алькобе, следуя за Серджи, называет средиземноморской евроафриканской расой и который мы называем массивным вариантом средиземноморской расы (*raza mediterranea robusta*). Этот вариант представлен людьми с массивным скелетом и более низкой мозговой коробкой, чем у тех средиземноморцев, которых антропологи выделяют как средиземноморский грацильный тип. Последний — долихокранный, более ранний, чем первый, имеет не только более высокую мозговую коробку, но и более высокий рост.

Люди массивного средиземноморского типа (им принадлежали череп, найденные в Куэва де ла Сарса в Валенсии, а также богатые находки шнуровой керамики) создали первые земледельческие колонии на Иберийском полуострове. Они прибыли сюда с Ближнего Востока и из

Месопотамии. Антропологические данные позволяют назвать их прото-средиземноморцами массивного типа.

После них пришли носители шлифованной индустрии, для которой были характерны микролитические, иногда с двусторонней шлифовкой наконечники стрел различных форм: листовидные, ромбовидные или черешковые.

Эти люди, так же как и их предшественники, распространились по всему югу и востоку полуострова. Они проникли и во внутрь полуострова в долину Эбро и на Месету, а на севере полуострова смешивались с оттесненным туда населением палеолитического и мезолитического происхождения.

Это население, выделенное затем в испанской палеоэтнологии в качестве носителей «альмерийской культуры» (Альмагро дал ей название испанского неолита II), состояло, по нашему мнению, из протосредиземноморцев, родственных с теми долихоцефалами, которые в восточном Средиземноморье дали начало египетским (Меринде, Фаюм и т. д.) и азиатическим (Алишар, Мерсин) культурам. Серджи и Алькобе причисляли их к средиземноморской грациальной подрасе, характеризовавшейся не только более грацильным скелетом, небольшим ростом, меньшей толщиной черепных костей, яйцевидным и не очень высоким сводом, но также высокими и широкими орбитами и выступающим носом. Аналогичные комбинации признаков были характерны также для европеодного населения Крита, Малой Азии и различных центров Эгейского мира. С другой стороны, такой тип встречается и в дунайском районе, на Аппенинском полуострове и в различных зонах Западной Европы, куда пришли носители уже достаточно передовой неолитической культуры, послужившей базой для создания культур развитого западноевропейского неолита, таких как альмерийская в Испании, шассейи во Франции, лагоцца в северной Италии, карталоид в Швейцарии, михельсберг на Рейне, вайндмилл-хилл на Британских островах и т. д.

В испанском Леванте существовал тип, который условно называется «арменоидным динарским» (раскопки Чива в Валенсии). Здесь он встречается рядом со средиземноморскими долихоцефалами. Он также отмечен в различных неолитических стоянках средиземноморского побережья Испании (Монте де Барселья, Торремансанас и Куэва де ла Пастора) и на Балеарских островах начиная с бронзового века и до римской эпохи. Очевидно, там вследствие проникновения по морским путям азиатических и арменоидных элементов происходил процесс динаризации.

Итак, сравнительные исследования, проведенные в различных районах Иберийского полуострова, позволяют нам говорить о существовании здесь, начиная с неолита, известного расового единства, которое укреплялось в течение бронзового века. Это не относится к зоне Кантабрии, Астурии и Галисии, а также к различным пиренейским районам, в которых значительное преобладание брахикефального типа объясняется, по-видимому, связями с каким-то центральноевропейским очагом брахикефализации. Действительно, возможно, что из Европы на полуостров до появления первых волн индоевропейцев проникали люди, антропологические типы которых встречаются в гробницах Фоса де ла Бобила Мадурелль, в Сан Кирсе де Галлинерс, в Сабаделле (Барселона). Они, несмотря на некоторые архаические черты, напоминающие гримальдийский, мугемский и крымский варианты, имеют аналогии с различными неолитическими центральноевропейскими вариантами, представленными в Шамблане, Барма Сюр-Коломбей, Эголсвилл (Швейцария) и даже среди протолигуров из Лагоццы.

Ученые считают, что к концу второго тысячелетия до н. э. на Иберийский полуостров уже пришли индоевропейцы с континента. Утверждать это позволяют не только данные топонимики, но также и итоги исследования большого количества археологического материала. Эти люди, если признавать столь раннюю миграцию, пришли из Центральной Европы через широкий пиренейский перешеек и, по мнению палеоэтнологов и археологов, были родственны лигурам, иллирийцам или амбронам (иллиризованные лигуры). Вопрос этот еще не решен, так как миф о лигурах, столь распространенный в Испании, мешает ясному взгляду на суть дела. Несмотря на то что сейчас эта теория не принимается, можно все-таки говорить о какой-то миграции определенных запаиренейских протоиндоевропейских элементов, значение которой сейчас трудно оценить. Эти элементы на заре испанской истории предшествовали не только народам эпохи «великого переселения», но, возможно, также и носителям центральноевропейских и средиземноморских культур. Возможно, они были продуктом средиземноморских миграций народов, которые подобно сардам и тирсенам устремлялись по морским путям на запад. Некоторые специалисты обосновывают это мнение параллелями между протоиберийской культурой эль аргар (Альмерия) и некоторыми анатолийскими культурами.

Исследователи также не могут прийти к согласию в вопросе о времени проникновения на полуостров кельтов или кельтизированных народов, хотя кельтизация полуострова имела отголосок даже на юге, где, по сведениям из легенд и сообщениям финикийцев и греков, было основано древнейшее государство Тартесс, а также в Леванте. В горных районах восточной Месеты кельты или кельтизированные индоевропейцы смешались с иберами. Кельты остались преобладающим этническим элементом в северных областях полуострова — Галисии и районе Дуэро. Возможно, что именно кельты были этнической основой формирования галайков с их брахицефальным или мезоцефальным физическим типом, светлыми глазами и волосами.

АНТИЧНЫЕ НАРОДЫ ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Этническая история народов Иберийского полуострова впервые освещается финикийскими и греческими колонистами, которые с V века до н. э. сообщают наиболее полные и документированные сведения о них. Количество финикийцев и греков было слишком мало для того, чтобы оказать существенное влияние на антропологическую характеристику местного населения, но их культурное влияние было довольно велико. Точно также и карфагеняне, и римляне принесли немного своей крови на полуостров.

Надо иметь в виду, что романизация Испании была преимущественно административным процессом, а не процессом заселения страны, в те времена уже достаточно населенной (Цицерон упоминает в некоторых своих речах о многочисленности испанцев). Закрепление завоевания достигалось путем ассимиляции местных элементов, которым иногда представлялись права римских граждан (латинское или итальянское). Высшие слои привлекались на службу и приучались к городской культуре. Колонии обычно заселялись ветеранами-отпускниками (например Италика, Мерида, Валенсия). Чистых римлян в них было немного.

Как всякий процесс глубокой колонизации, завоевание римлянами полуострова вызывало поначалу яростное сопротивление местного населения. Подавление Центральной Месеты и Лузитании оказалось более трудным, чем покорение Средиземноморского района и Турдета-

нии (Андалусия), где старые традиции торговых отношений с иноземными народами подготовили почву для восприятия римского господства. На Месете, хорошо защищенной горами, римляне столкнулись с упорным сопротивлением, которое для них было тем тяжелее, что их легионы были оторваны от своих береговых баз. Это объясняет стойкость сопротивления сначала лузитан, а затем жителей Нуманции. Римлянам понадобилось изменить систему набора в армию, для того чтобы покорить Нуманцию, которую в 133 г. до н. э. разрушил Сципион Эмилиан. Это была решающая дата в процессе колонизации римлянами полуострова, хотя конец войне был положен только веком позже, когда Октавиан Август подчинил астуриков и кантабров.

В последующие четыре века население Испании быстро растет, что явилось результатом прочного внутреннего мира. Приобщение к крупной средиземноморской торговле металлами, вином, оливковым маслом, зерном и солониной способствовало экономическому процветанию страны, особенно в эпоху императоров испанского происхождения. В искусстве это нашло свое выражение в так называемом «иберийском» стиле.

Варварские завоевания в начале V века положили конец существованию Западной Римской Империи и внесли в этнический состав полуострова новые элементы европейского происхождения. Некоторые авторы утверждают, что в V, VI, VII веках испанцы стали превращаться в вестготов. Однако, вестготской Испании никогда не существовало. Вестготы не покорили местное испано-романское население, точно так же как не могли это сделать и различные племена германцев: франко-алеманов, вандалов, квадосвефов, тюрков-аланов и даже греков (византийцев) в Леванте.

Некоторые группы варваров, как например вандалы, не закрепились на полуострове и быстро прошли в Африку. Светловолосые свевы осели на северо-западе в римских провинциях Лузитании и Галисии.

По-иному ставят перед нами этническую проблему вестготы. Они прибыли из Аквитании (Галлия) в Испанию для умирения Тарраконии. Однако до 456 года вестготы не обладали на полуострове самостоятельной властью и действовали от имени римского императора, оттесняя свевов в Галисию. В конце V в., при Аларихе II они получили по договору с Римом две трети испанских земель и образовали привилегированный класс землевладельцев. Количество вестготов на полуострове никогда не превышало 220 тыс. человек — очень небольшая цифра, если сравнивать с испано-римским населением, насчитывавшим к тому времени около 7,5 млн. человек.

В 585 году Леовигильд положил конец существованию свевского государства, включив его в состав королевства вестготов с центром в Толедо. Таким образом кончилось 164-летнее господство свевов на северо-западе, где они оставили следы в некоторых современных традициях и диалектах. Семейные отношения между вестготами и испано-римлянами легализовались после того, как Леовигильд отменил закон, запрещающий смешанные браки, ибо невозможно было приостановить смешение господствующей касты с местными группами, состоявшими в своем большинстве из испано-римлян средиземноморского происхождения. Со временем подобные браки перестали быть редкостью, особенно в высших слоях населения, где вестготская знать даже стремилась породниться с испано-римскими оптиматами.

Массы народа оставались, однако, непоколебимы в своей неприязни к вестготской монархии, что стало главной причиной ее слабости, проявившейся в первых же столкновениях с исламом в начале VIII века.

Мусульманское завоевание возглавлялось очень небольшим числом людей семитского происхождения (арабами и сирийцами). Количество мусульман, прибывших на полуостров, в первые годы не превышало, вероятно, 35 тыс. Войско Тарика состояло из 10—17 тыс. берберов, недавно обращенных в ислам, в значительной части племен Гумара (Гомера). К ним прибавились немного спустя еще 10—18 тыс. человек, прибывших с Мусой и состоявших главным образом из арабов иеменских и кайситских племен. Соблазненные надеждой на военную добычу, на полуостров прибывали вплоть до последних этапов кампаний Мусы множество авантюристов семитского происхождения и, хотя часть арабов возвратилась с ним и с Тариком в Дамаск, в Испании осталось много берберов и арабов, которые образовали первое ядро мусульманского населения государства Аль-Андалус. Все это говорит о том, что арабов иммигрантов (*dajilun*) было вначале почти столько же, сколько и берберов, но постепенно они остались в меньшинстве по отношению к берберам и христианам, обращенным в ислам.

Арабы, прибывшие на полуостров, были менее однородны этнически, чем барберы, так как происходили из разных племен и родов, разделенных зачастую традиционной враждой.

Так, с Мусой прибыли иеменцы, или кальбиты, предполагаемые потомки Кахтана и традиционные враги кайситов, а также потомки Аднана курейшиты, составлявшие род Пророка. Последние выделились затем на полуострове в местную аристократию. То же произошло с табитами, или потомками Мухаммеда, и с новой религиозной аристократией Защитников (ансаров).

Эти арабы-иммигранты, которые составили ядро знатных семей Аль-Андалус, осели в городах в качестве высших чиновников ислама, предоставив обработку земель, пожалованных им при завоевании в собственность (икта), испано-готским арендаторам, обращенным в ислам.

Вскоре первых арабов иммигрантов и их детей стали называть «баладиун», или «баладиес», что означало «обосновавшиеся прочно в стране», для отличия их от сирийцев (самиун).

Большая часть мусульманских иммигрантов происходила из Мавритании, или «Магриба», и состояла из мавританских берберов (называвшихся в латинских текстах «тауги», или мавры). Эти берберы, завербованные на севере Мавритании, происходили из племен Гумара и из горных племен Магриба. Их мусульманство было очень недавним и едва ли пустило серьезные корни в сознании.

Их наклонности и образ жизни были скорее пастушескими, чем земледельческими, арабского языка они не знали и говорили на различных берберских диалектах. На полуострове они не смогли отказаться от своих привычек и включиться в систему развитого земледелия юга и вскоре ушли в горные районы страны, занявшись скотоводством. Этим объясняется то, что в средние века в испанских горах появились многочисленные берберские поселения.

Однако ни берберы, ни арабы, ни сирийцы из тех 12 тыс., которые прибыли в Аль-Андалус с Балегом, не смогли существенно повлиять на местный элемент, который всегда оставался преобладающим на полуострове. Не удалось это и европейцам — вольноотпущенникам — «мауля» или «славянам» (по арабски: сакалиба), которые играли большую роль в начале X века в арабском войске.

Название «славяне» приобрело в Аль-Андалус совершенно особый смысл. Сначала так называли пленников-рабов, которых германцы продавали мусульманам на полуостров, но по крайней мере с X века оно

обозначает уже всех рабов европейского происхождения, чаще всего находившихся в дворцовом услужении или в гареме халифа.

Во времена Аль-Хакама II славяне Аль-Андалус происходили, по свидетельству путешественника Ибн Хаукаля, не только из Понта, но также из Калабрии и Ломбардии, из Каталонии и Галисии. Их доставляли главным образом магрибские и андалусские пираты.

Еврейские торговцы имели во Франции, главным образом в Вердене, громадные «фабрики евнухов» специально для снабжения мусульман гаремной стражей. Их привозили на полуостров совсем юными; затем их обучали языкам, на которых в то время говорили в Аль-Андалус: арабскому, «романсе» и «альхарабия» и обращали в мусульманство. Известно, что в Кордову было завезено около 14 000 рабов. В других городах их было меньше, а в деревнях почти совсем не было.

Некоторым «славянам» удавалось благодаря своим талантам и культуре улучшить свое социальное положение — разбогатеть и приобрести земли. Подобно римским преторианцам и марроканским абид (рабам) они со временем стали играть важную политическую роль в государстве.

В XII—XIII веках, в связи с наплывом североафриканцев в Испанию, усилилась африканизация страны. И тут мы видим славян, управляющих судьбами так называемых таифских королевств.

Однако их влияние прекратилось после завоеваний Альморавидов, Альмохадов и Бенимерингов, завоеваний различного типа, значение которых еще недостаточно изучено.

Альморавиды, принадлежавшие к сахарскому племени ламтуни, создавшие империю, которая в короткое время раскинулась от Сенегала до Алжира, альмохады, происходившие из марроканского Атласа, и, наконец, бенимерины — все они в расовом отношении менее средиземноморцы, чем племена, ранее прибывшие на полуостров и истребленные в политических и религиозных войнах.

Большинство африканцев, однако, или погибли или были изгнаны, и очень немногие из них смешались с населением мусульманской Аль-Андалус, части королевства Валенсии и Мурсии, т. е. внутренняя Месета была в те времена военной зоной, не пригодной для заселения.

Несмотря на свою динамичность, североафриканское (арабское и сирийское) вторжение не изменило существенным образом этнический состав полуострова. Сформировавшийся еще со времен неолита субстрат дороманского населения состоял из людей средиземноморского типа. Он мало был изменен в результате многочисленных походов завоевателей. Это были солдаты, стоявшие гарнизонами в различных селениях и городах и женившиеся на местных женщинах. Их потомки обычно уже были ассимилированы.

С другой стороны, надо иметь в виду, что ни берберы, ни арабы, ни африканцы не осели в большом количестве на севере Месеты и на юг от Дуэро, а только вдоль линии Тахо, хотя, правда, был момент, когда линия поселений по Хукару продвинулась к Эбро и Леванту. В этот период в Арагоне процветали мусульмане — мудехары, продукт смешения завоевателей и доисламского населения, которое часто переходило в мусульманскую религию. Поэтому значительная часть испано-мусульманского населения могла теперь чваниться своим древним испано-романским или германским происхождением, точно также как это делали жители христианских королевств Севера, начавшие так называемую Реконкисту.

Это не мешало, однако, множеству исконных жителей полуострова сохранять свою христианскую религию, свой язык и свою культуру. Тех,

которым ислам предоставил легальный статус и признал их право управляться собственными властями и законами, называли — мосарабы. Количество их значительно уменьшилось из-за преследований в Кордове, Мериде и Толедо, и еще больше, когда с течением веков мусульмане прочно укрепились в Леванте и на юге, где дольше всего продолжалось их господство.

Этническим элементом (значение которого некоторые авторы часто преувеличивают), чужеродным и христианам и мусульманам, были евреи, которые начали оседать на полуострове в период диаспоры, вызванной завоеванием их родины Римом. С II-го века нашей эры мы уже встречаем колонии евреев в испанских портах, особенно на юге, где была более оживленная торговля. Колонии эти все расширялись, несмотря на преследования их последними вестготскими королями, которые пытались изгнать евреев в VII веке. Однако по странной иронии судьбы евреям довелось пережить вестготов благодаря нашествию мусульман, которым евреи до известного момента помогали. Поэтому не удивительно, что в дни Конкисты мусульманские предводители доверяли иудеям управление различными городами.

Гранада в VIII веке, также как Лусена, дала приют большому количеству еврейского населения. Когда в XI веке сирийцы образовали независимое государство, положение евреев в Гранаде упрочилось. Однако после нашествия на полуостров Альморавидов звезда Израиля закатилась.

Центры, в которых началась Христианская Реконкиста, возникали, главным образом на севере полуострова, всегда сохранявшем, благодаря изоляции в горах, известную независимость и от прежних завоевателей — римлян и вестготов. Сюда-то и укрылись остатки их разбитых войск. Реконкиста была продуктом исторического процесса, причиной которого были не столько религиозные мотивы, сколько тенденции к экспансии, зародившиеся в государствах глухой Кантабрии и Пиренеев. Эти тенденции, подмеченные у диких и воинственных горцев еще Платоном, превратились в неудержимое стремление отвоевать для себя южные равнины, захваченные их врагами по религии.

В начале Реконкисты чрезвычайно важна была роль франков (особенно лангедокских), которые в начале X века двинулись на юг. В XI веке франки обосновались уже не только в таких городах, как Памплона, Хака, Толедо и Авила, но также и в районе аграрной колонизации в Кастилии, в которой принимали участие астуры, кантабры, баски и арагонцы и которая была завершена уже позднее, к концу XVI века.

Кроме франков следует отметить и других европейцев, попадавших на полуостров в это время по разным причинам, например в крестовом походе, объявленном против Альмохадов. Однако Реконкиста, которая продолжалась восемь веков, была, конечно, делом чисто испанским, в котором религиозный прозелитизм играл роль гораздо меньшую, чем это принято считать, т. к. у побежденных обычно не отнимали их права на свою религию. Как это ни странно, славу непобедимости, которую приписывают испанским королям их христианские подданные, они сумели завоевать на протяжении средневековья благодаря веротерпимости; в их городах уживались в течение веков в мире и согласии христиане, мавры и евреи, каждая группа в своем квартале (две последних в «морерия» и в «худерия», или «кальхама»), с властями собственной расы и вероисповедания, причем испанские короли хвастались тем, что властвуют над тремя религиями. Это казалось скандальным иностранцам, посещавшим полуостров и дивившимся на зрелище, которое в Европе могло сравниться только с тем, что показывали Штауффены в Сицилии.

Религиозная нетерпимость привносилась на полуостров через иностранные влияния — принцесс, выходивших замуж за арагонских, кастильских и лузитанских монархов, епископов — ультрамонтанов, которым жаловали митры, посвящая в какие-либо монашеские ордена. Зачатки этой нетерпимости появились сначала в преследовании альбигойцев, а затем уже открыто проявились против евреев, по отношению к которым была разбужена расистская ненависть черни, имевшая помимо других мотивов чисто экономические основания, так как многие евреи были бессменными финансовыми и экономическими советниками испанских королей в течение XII—XIII веков.

С этого времени начинается упадок влияния евреев, хотя в некоторых случаях крещеным евреям удавалось сохранить свое состояние. Немногочисленные, но очень серьезные палеоантропологические исследования средневековых еврейских захоронений на полуострове показали, что не существует какой-либо антропологической разницы между старыми христианами и иудеями. Разница эта выражалась только в религиозных противоречиях и экономическом обособлении, в котором оказались «обращенные» и евреи, когда христианское давление испанцев усилилось.

Изгнание евреев кастильскими и арагонскими королями, декретированное в конце 1492 года, совпало с завоеванием Гранады государями обеих королевств, брак которых заложил основу единства Испании. Количество изгнанных доходило до 200 тыс. человек. Это изгнание некоторые авторы рассматривают как один из первых признаков, предвещавших упадок Испании.

Ограничительные меры против морисков, предпринятые в течение XVI—XVII веков, вытеснили с полуострова людей, возможно наиболее предприимчивых и тесно связанных с населением Испании не столько генетически, сколько общностью интересов.

В XVII веке угасшая уже австрийская династия в Испании вновь выпячивается и предпринимает последнее, и наиболее значительное, заселение полуострова иностранными элементами. Событием знаменательным и достаточно шумевшим была внутренняя колонизация, проведенная так называемыми «просветительскими» правительствами в некоторых районах, до того времени необитаемых. В Сьерра Морене были основаны новые поселения Ла Каролина, Гиарроман, Карбонерос, Санта Елена, Монгисон и Альмурадель, в которых в 1787 г. проживало 1522 семейства, главным образом немецкого происхождения. Другой очаг подобного заселения был создан в кампинье Севильи, где были основаны колонии — Ла Карлота, Ла Луизиана, Фуэнтепальмера, Сан Себастьян де лос Бальестерос.

СОВРЕМЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Современное население Иберийского полуострова, несмотря на различное происхождение, отличается несомненным антропологическим единством. Монтандон, Гюнтер, Питтар, Лаовари, Олорис, Мендес Корреа и Ойос Сайнс в различных сочинениях отмечали это единство, хотя и основывали свои выводы, особенно трое последних, на рассмотрении отдельных отличительных признаков, таких как головной указатель, высота головы, строение носа, окраска кожи и глаз, рост и др.

Принимая во внимание метисацию различных элементов, длительную изоляцию этнических островков, которые остаются нетронутыми в определенных местах, следует признать основным типом населения Испании средиземноморский как в грациальной, так и в массивной форме. Среди них преобладает последняя (речь не идет, разумеется, о чистой расе — явлении, невозможном в странах со сложной этнической историей). На

этот компонент наслоился более тонкий пласт пришельцев с европейского континента — родственных расам, характерным для Центральной и Северной Европы.

Изучение головного указателя позволяет антропологам утверждать, что население полуострова — одно из самых длинноголовых в Европе. Головной указатель довольно однороден благодаря сходству этнических элементов и смешению их, и довольно равномерно распределен на большей части полуострова. Среди испанского населения преобладает умеренная мезокефалия или почти долихокефалия с крайними типами долихокефалии в Леванте, некоторых землях Арагона, Леона и Старой Кастилии, горах Хаэна и на юго-восточной границе Ла Манчи и Сьерра Невады с Альпухаррой. Наблюдается некоторое преобладание долихокефального типа в горных областях, хотя это не является общим правилом, что видно хотя бы на примере равнин Леванта.

Брахикефалов много на севере Галисии, в Астурии и в нынешней провинции Сантандер, т. е. в древней Кантабрии. Тенденция к брахикефалии заметна в долине Тахо и в Нижней Андалусии, а также на побережье Уэльвы и в окрестностях Байя де Кадис, где она более ярко выражена, чем в любом районе севера. Есть также островок брахикефалии в Сьерра Морене.

Ф. Олорис получил среднюю цифру головного указателя у современного населения 78,2 с понижением до 77, а также относительную брахикефалию в районах, примыкающих к Нижней Андалусии. Л. Санчес Фернандес, обработав свои наблюдения в основном среди военнообязанных, указал крайние индивидуальные колебания: от 59 (возможно, аномального) в Галисии до 116. В Сантандерской Монтанье 53% населения имеет указатель 75—80.

Что касается Португалии, долихокефальный тип здесь более ярко выражен. Любопытно, что государственная граница Испании с Францией совпадает с этническим разделением, за исключением переходных зон старинных каталонских провинций Руссильона, Серданьи и района французских басков. В целом надо сказать, исходя из кропотливых исследований Ойос Сайнса и Арансади, изучивших более полутысячи черепов, что иберийский полуостров является одной из наиболее долихокефальных областей Европы с легкой тенденцией к брахикефалии в кантабро-астуро-галисийском и эстремадурско-ламанчском районах.

Разумеется, нельзя рассматривать головной указатель, как единственный признак для выделения локальных антропологических типов. Большой материал для выводов дает пигментация кожи, волос и глаз. Согласно Санчесу смуглая кожа наблюдается у 45,7% населения, причем крайние показатели дают провинции Аликанте — 25% и Самора 73%. Особняком стоят Канарские острова, на которых количество относительно темнокожих достигает 90%, менее пигментированная кожа наблюдается в провинциях Кадис, Кордова, Мурсия, Аликанте, Альбасете, Мадрид, Вальядолид, Кастильон, Таррагона, Наварра, Алава и Бискайя. Светлые волосы встречаются в Испании приблизительно у 14,5%, или у седьмой части населения. Меньше всего светловолосых в провинции Паленсия (4%) и больше всего в Сарагосе (30%), на Канарских островах — 18%. Распределение по провинциям согласно известной карте Арансади дает следующие результаты: в провинциях, граничащих с Португалией (исключая Уэльву), — меньше всего белокурых; ни одна из пиренейских провинций не имеет менее 13% светловолосых. На побережье их больше всего на юге и в Леванте.

Что касается сочетания в одном месте большого числа темнокожих и малого числа светловолосых, то оно встречается больше всего на гра-

нице с Португалией и меньше всего в Старой Кастилии и Ла Манче. Напротив в Сантандере, Леванте, некоторых южных провинциях (Кадис, например) отмечают большое количество светловолосых и малое — темнокожих индивидуумов, исключая очень любопытные островки в Уэльве, образованные потомками африканских негроидов, осевших в этом районе где-то между XVII и XVIII вв.

Исходя из данных, которые в свое время собрал Арансади, можно сказать, что среднее количество светлоглазых индивидуумов в Испании достигает 17,6%, с крайними показателями в Саморе — 9% и Сантандере — 29%. Провинциями, дающими сильное преобладание людей со светлыми глазами (включая сюда голубые, серо-синие, серые и зеленые), являются, по данным Санчеса и Арансади, — Арагон, Наварра, Гипускоа и Сория. Самый крупный очаг светлоглазости находится в прямой или косвенной связи с Пиренеями. Зеленые и серо-синие глаза преобладают на севере, а голубые — в центре до самой Португалии. Провинциями с относительным обилием светлых глаз и светлых волос являются Сантандер, Сарагоса, Уэска, Гипускоа, Херона и Барселона. Есть районы, в которых широко встречаются серо-синие глаза и мало распространены светлые волосы: Самора, Саламанка, Касерес, Бадахос, Паленсия, Сеговия, Альбасете, Бискайя. Рост по всей стране относительно един. Ставшие уже классическими работы Санчеса позволяют разделить испанские провинции на три группы по величине среднего роста:

- 1) с относительно высоким ростом 164—165 см: Каталония, Валенсия, Балеары и Малага;
- 2) со средним ростом 163 см и
- 3) с низким ростом 162 см и меньше: Оренсе, Понтеведра, Самора, Леон.

В долине Рибас, в Карпетано-Веттонской Кордильере, в Лас Урдес, и в Батуэкас, особенно в верховьях рек Силь и Миньо, имеются очаги низкорослости, особенно в двух последних районах, которые по площади достигают размера целой провинции. Эти очаги не связаны с каким-то определенным этносом, а представляют собой районы эндемического зоба, хотя характерные для них величины роста не выходят за пределы межгрупповых колебаний.

К малорослым вариантам относится, по Санчесу, 2,91% всего мужского населения Испании, и из них рост 125—140 см обнаружен только у 0,164%, т. е. 164 человека на сто тысяч человек.

Данные по росту распределяются следующим образом и дают возможность построить теоретическую кривую:

X—	139 см	0,359%
139,5—144,5		0,64%
144,5—149,5		7,36%
149,5—154,5		18,95%
154,5—165		43,80%
165,5—170		18,95%
170,5—175		7,36%
175,5—180		1,64%
180,5—X		0,359%

Кривая распределения частоты признака варьирует в разных провинциях. Арансади берет в качестве примера районы Гипускоа и Вальядолид. В Гипускоа, где средний рост составляет 1656 мм, данные, полученные при измерении рекрутов, показывают, что чаще встречается рост 165—170 см, чем 160—165 см; и чаще 165—170, чем 155—160; людей выше 180 см больше, чем людей ниже 155 см. Объем груди, по Санчесу,

имеет в Испании средний размер 852 мм, с колебаниями по провинциям от 832 мм в Авила до 868 мм в Бискайе. Указатель скелетики или отношение объема груди к росту в среднем в Испании равен 52,1 и колеблется от 51 в Овьедо и Авила (макроскелетики) до 52,9 для Бургоса и Гвадалахары (брахискелетики и коротконогость). Периметр грудной клетки в Испании доходит в среднем до 852 мм, и его отношение к росту 52,1. Крайние цифры по провинциям — в Авила 837 мм и указатель 50,7, в Хероне и Луго 867 мм с указателем 53. На карте совпадают данные по центральному провинциям, за исключением двух эстремадурских и четырех андалусских. С другой стороны, большая амплитуда колебаний обхвата грудной клетки наблюдается в трех галисийских провинциях, в Сантандере, Басконии, Наварре, Логроньо, двух северных арагонских провинциях, а также в двух каталонских, в Уэльве и в Валенсии.

Исследования Луиса Ойоса Сайнса в области серологии позволяют выделить в Испании три зоны.

Первая включает северный район (Кантабрия, Баскония, Арагон), Левант (Каталония и Валенсия), Ла Манчу и Мадрид, в которой группа *O* характерна для 40%, а у басков достигает 50% населения.

Провинция Сарагоса, характерная для этой зоны, дает следующее распределение по группам крови: *O* — 46,1; *A* — 44,3; *B* — 7,2%. Только в валенсийском районе группа *A* превышает 50%. Вторая зона, включающая Галисию, Леон, и обе Кастилии (кроме Мадрида), представляется в целом менее богатой группой *O*, но несколько лучше снабженной группой *B*. В Кастилии, например, наблюдается: *O* — 38,9; *A* — 45 и *B* — 11,4%. Наконец, третья зона Испании, включающая юг (Андалусию и Эстремадуру), дает нам еще меньшее количество людей, принадлежащих к группе *O* и большое число группы *B*, хотя преобладает *A*. Андалусская зона в свою очередь дает следующую картину: *O* — 24,8; *A* — 51,5; *B* — 15,7%. Исследования Е. Таманьини позволяют связать португальское население с первой из перечисленных зон Испании.

Внутри Португалии выделяется центральная береговая зона (Бейра береговая и Эстремадура до Лиссабона), где господствуют *A* и *B* (Эстремадура: *O* — 39,8; *A* — 46,3; *B* — 10%) и остальная часть страны, где группа *O* превышает 40%, в то время как *B* колеблется (Верхняя и Нижняя Бейра: *O* — 44,9; *A* — 44,3 и *B* — 7,8%).

Что касается резус-фактора, то до 1950 г. он в Испании не изучался. Среди 400 испанцев (не басков) Гуаш нашел до 16,7% *Rh*-. Другие исследования, результаты которых будут опубликованы, проводятся Национальной службой здравоохранения.

Комплекс отличительных признаков не всегда совпадает с этнической обособленностью, даже когда это касается каталонцев, басков и галисийцев, которые местное население считает этнически отличными от населения всего полуострова. Эта этническая гомогенность не нарушается и границей между Испанией и Португалией.

Несомненно, однако, что изоляция некоторых районов помогла сохранению в них доныне обычаев и институтов уже исчезнувших в областях более открытых для человеческого общения.

Переходными являются те районы, которые содержат более смешанные этнические элементы, например Каталония и Андалусия. По разным причинам в определенных испанских местностях встречаются этнические островки населения с очень индивидуальными физическими чертами, как например «пасьегос», или люди, осевшие в районе истоков Эбро, «марагатос» — обитатели леонской Монтаньи вблизи Асторги, горцы «вакейрос», занимающиеся скотоводством в астурийских горах, «хитанос» и даже так называемые «аготес» в пиренейских долинах баск-

сконавартского района. Об этих людях было написано достаточно, так как они были предметом определенного рода предрассудков со стороны своих соседей. Последние приписывали им различные неприятные черты, которые, возможно, были связаны с некоторыми признаками этнического вырождения, как например у нищих обитателей Лас Урдес, населяющих дику и бесплодную в сельскохозяйственном и промышленном отношениях область.

Так называемые «хитанос» (цыгане) — люди, несомненно, индо-афганского происхождения — прибыли в Барселону с Роны в 1477 году и еще составляют определенное этническое целое в Андалусии и Каталонии, хотя они уже и потеряли свое пристрастие к бродячей жизни.

Расовое своеобразие еще сохраняют многие жители Канарских островов, потомки доиспанского населения, которому посвятила свои недавние блестящие исследования доктор И. Швидецкая. Она утверждает, что древнее население островов было разделено на ряд изолированных групп, поддерживавших между собой довольно ограниченный обмен. Среди них различались наслоения последовательных иммиграций, социальное и семейное расслоение, а также различные матримониальные, региональные, социальные и др. группы. Гуанчи происходили, как уже говорилось, от разновидности современного человека (*Homo sapiens fossilis*), родственного с человеком из Хоту или из Кроманьона. Они избегали контактов с иноземцами вплоть до завоевания их европейцами, начатого норманнами, продолженного кастильскими королями из дома Трастамара и закончившегося полной оккупацией при католических королях. Архаический характер канарской, или макронезийской расы (*etnia*), нарушенный частично браками с первыми европейскими колонистами, а затем с испанцами и многочисленными иностранцами, обосновавшимися в первых городах архипелага, не породил какой-либо отсталости по сравнению с другими народами Европы. Они характеризуются чистой долихоцефалией, темной кожей и черными глазами, курносом носом, прекрасными зубами, высоким ростом и крепким сложением, прекрасно развитой грудной клеткой.

Разнообразие характеристик отдельных областей Испании не имеет под собой идентичной расовой основы. Скорее всего различия, которые наблюдаются между населением испанских районов, порождены главным образом различным соотношением этнических элементов, их составляющих. В отношении всего полуострова можно сказать, что часто черты, которые мы выделяем как различные, обязаны своим появлением одним и тем же процессам формирования в разных природных условиях. Иначе говоря, эти различия порождены не столько генетическими причинами, сколько зависимостью от внешних причин — образа жизни, занятий, обычаев народа.

В этом смысле Португалия, также как Испания, представляет большое разнообразие типов. Помимо обитателей маленьких округов, отличаются друг от друга неповторимостью и своеобразием облика жители провинций Альгарве и Рибатежу, население долин рек Дуэро, Миньо. В Испании резко выделяются галисийцы, астурийцы, сантандерцы, баски, старокастильцы, леонцы, ламанчцы («манчего»), эстремадурцы, андалусийцы, «уэртанос» Леванта, арагонцы, каталонцы и еще больше балеарцы и канарцы, причем существуют еще различия между жителями отдельных островов, а также между населением города и деревни, гор и равнин, внутренних и прибрежных районов. Кастилия, и особенно Старая Кастилия формировалась вместе с Леоном и представляла собой как бы расширение его расовой зоны. В Саморе головной указатель похож на головной указатель иберо-атлантического населения, которое

проникло через Португалию вверх по течению Дуэро. Оно слилось с этническими элементами, поднявшимися из Арагона по Эбро до Бургоса, и сформировало кастильский тип, просуществовавший уже до романизации.

В Кастилии выделяется по строению черепа зона горной Серрании, в типе которой присутствуют черты кроманьонского человека. Этот же тип продолжается в древних Карпетании и Кельтиберии, служит переходом к району Ла Манчи, занимает равнину провинций Толедо и Сьюдад Реаль, вливается в Эстремадурский район и Альбасете, Куэнку и Гвадалахару — район наибольшей длинноголовости. Она сочетается здесь с большим нижнечелюстным диаметром. Это район максимальной смешанности морфологического типа, описанного еще Сервантесом. Реальность этого типа потом была подтверждена антропологически.

Другими этнически сложными районами являются Каталония и Галисия. В первой очевидно преобладание средиземноморского типа, ослабленного по сравнению с населением Леванта и Арагона примесью брахикефальных вариантов, которые создали в этом районе тип мезокефалов, несколько отличных от басков.

Галисия некантабрийская, расположенная на атлантическом берегу, представляет собой район, контрастный брахикефальному населению Луго, так как в нем господствует долихокефалия нордического типа, без сомнения, обязанная своим происхождением больше свевам, чем норманнам. В результате здесь сформировался тип людей высокого роста, с удлинёнными пропорциями тела, светлопигментированных, с высоким и узким лицом; которые отличны от кастильских пришельцев в Оренсе.

Наличие двух антропологических типов в Галисии и множественность этих типов в Каталонии позволяют говорить о сложном расовом составе этих испанских районов.

Одним из наиболее живых и выразительных признаков, различающих между собой районы полуострова, является язык. В Португалии официальный язык — португальский, в Испании — кастильский.

Кастильский, или испанский, язык — язык великой литературы, служит средством общения для 140 миллионов человек, расселенных по всему земному шару: в Латиноамериканских республиках, некоторых штатах Северной Америки (Техас, Нью-Мексико), в старых испанских колониях на Филиппинах и на Микронезийском архипелаге, в испанских провинциях экваториальной Африки и даже в некоторых районах французского Алжира (почти весь Оран). Кроме того, отдельные очаги евреев-сефардов, потомков изгнанных из Испании католическими королями, сохранились в Марокко, Греции, Турции, Сирии, Ливане, Израиле, Ираке и других странах Ближнего Востока. Живое свидетельство их происхождения — язык, на котором говорили в Кастилии в конце XV века. Внутри национальной испанской территории границы кастильского языка и его диалектов не совпадают ни с современным административным делением, ни даже со старинными историческими районами.

Галисийский язык, так тесно связанный с португальским, что его было бы удачнее назвать, имея ввиду определенные культурные и исторические традиции, галисийско-португальским, проникает в более или менее чистом виде в Астурию, доходя до среднего Валье и южнее Навии; в провинцию Леон (в зону пограничную с Бьерсо), в провинцию Самора, в селения, расположенные на запад от Портильо дель Падорнело (Порто Бахокова, Пиас, и Вильянуэва). В том же самом районе Саморы на чистом португальском говорят обитатели Эрмисенде и Ла Техеры. Диалект «леонес» также не удерживается в границах области и образует языковой островок в португальской провинции Миранда до Доуру, в то время как

португальский отвоёвал себе некоторые селения провинций Саламанки и Касерес и округ Оливенса, завоеванный сначала Кастилией, а затем Португалией, под властью которой он оставался до XVIII века. Восточные диалекты кастильского испытывают влияние каталанского языка в районах, соседствующих с Арагоном до Бенабарре, Сан Эстебан де Литера, Саирин и Фрага. Напротив, на кастильском говорят на значительной территории королевства Валенсия, начиная от горных местностей до равнин Сегорбе, в верхнем и среднем районах провинции Валенсия, включая весь округ Рекуена и селения на запад от Честе, Буньоль, Энгүэра и Айора, а также в провинции Аликанте, на территории Вильены и почти во всей южной зоне до Сакса, Эльды, Дóлорес и Ориуэлы.

Среди кастильских диалектов наиболее важным является леонский, который сформировался раньше, чем сама Кастилия, хотя затем и стал испытывать влияние со стороны последней.

Еще более архаическим является диалект астуриано, или «бабле», на котором имеется богатая фольклорная литература, традиционные песни и даже некоторая профессиональная лирика. Его влияние особенно сильно среди жителей Сантандерской Монтаньи, преимущественно в ее западном районе — средневековой Астуриас де Сантьяна.

Очень любопытные варианты старого «леонес» представляют говоры «марагато», «санабрес» (на которых говорят в саморском районе Санабрии и наиболее чистая форма которых сохранилась в Сан Сиприане), диалекты земель Алисте и Сайаго, а также «чарро» в деревнях Саламанки.

Остальные диалекты испанского языка «эстременьо» и «андалус» отличаются главным образом фонетически.

Эстремадурский в провинции Касерес испытал влияние леонского, а в провинции Бадахос — андалусского.

Мурсийский диалект, наиболее известной формой которого является «паночо» мурсийской уэртты, образовался из смешения валенсийского и местных говоров. Он частично смешался с редкими заимствованиями из другого диалекта — арагонского, индивидуальные черты которого стали вырисовываться с XV века, а теперь сохранились в более или менее архаической форме в районах долин Пиренеев (в наиболее чистом виде в долинах Ансо и Эчо). Однако на равнинах язык уже почти полностью кастилизирован и влияние арагонского диалекта сказывается только в произношении.

Что касается наваррского диалекта, его предком является арагонский, испытавший влияние баскского (на котором говорили наваррцы) и французского языков.

Диалекты Канарских островов обнаруживают любопытное сходство с фонетикой андалусского. «Свистящий язык» острова Гомера заслуживает специального изучения этнографов, точно также, как региональные и профессиональные жаргоны (например: «паноха» — жаргон каменщиков Трансмиеры в Сантандере; «латынь каменщиков» в Галисии, «цыганский калó» и др.).

Галисийский язык сформировался раньше чистого кастильского и независимо от него и гораздо раньше созрел как литературный. Его употребляли в Кодексах и документах и предпочитали до позднего средневековья в лирике. Народный галисийский варьирует по отдельным районам: благозвучный диалект Риас Бахас, мужественный и звонкий в Бергантиньос, мягкий в Мариньяс провинции Корунья, в Улья, в горах и в районах, пограничных с Португалией, и т. д. Однако, несмотря на движение Возрождения, созданное смелыми усилиями романтиков и современных авторов, стремившихся продолжить литературные традиции род-

ного языка, кастильский постепенно вытеснял галисийский. С XVI века он стал господствующим в городах и крупных виллях и его стало понимать большинство сельского населения. Современный португальский язык — дитя средневекового галаико-португальского — является государственным языком Португалии и Бразилии. Он распространен и в некоторых районах Африки, Азии и Океании.

Наиболее важным среди региональных языков Испании по распространению и литературе является каталанский, происшедший также, как и кастильский, от латинского ствола. Однако его развитие было связано не столько с кастильским, сколько с диалектами средневековых Прованса и Лангедока, жители которых поддерживали тесные контакты с так называемой Испанской маркой вплоть до раннего средневековья — эпохи формирования романских языков. Отдельные каталанские слова встречаются уже в дипломах и других документах конца IX века и широко распространяются с начала XI века, хотя языком литературы он становится только к концу XII — началу XIII века. Когда были завоеваны Балеарские острова и старинное королевство Валенсия, он проник и туда, но в разговоре жителей последнего больше заметно влияние кастильского языка, чем у собственно каталонцев. В разговорном языке Балеарского архипелага встречаются местные обороты и много архаических слов. Очень своеобразен диалект католонской долины Аран в Верхней Каталонии, где сильно сказывается влияние соседней Франции.

Вне Испании на каталанском говорят во Франции: в Руссильоне и Сердапье, которые были каталонскими провинциями до середины XVII века, и в маленьком округе Альгеро — автономном районе итальянской Сардинии. Это отголосок каталано-арагонской экспансии в Средние века.

Абсолютно изолированным от всех языков Иберийского полуострова является язык басков — остаток архаического языка, который различные авторы, изучающие его систему, сопоставляют с языком первобытных или античных иберов. Не углубляясь в дискуссию о баскско-иберском вопросе, можно считать несомненным, что основа баскского языка, или эускера (euskera), была создана в первобытные времена и что развивался он независимо (хотя и не без влияния их) от романских элементов, более или менее приспособленных к баскской фонетике.

Первым свидетельством общего признания существования баскского языка был латинский документ, датированный 980 годом, в котором определялись границы Байонского диоцеза и воспроизводились местные топонимы в более или менее признанной форме.

Позднее в Компостельском Кодексе впервые приводился известный словарь баскского языка. Кажется маловероятным, что в древности баскский распространялся на всю или на большую часть Испании, но несомненно, что он занимал ареал более широкий, чем сейчас, и что уже несколько веков назад началось его отступление вследствие проникновения кастильского. Топонимика указывает на то, что раньше баскский распространялся до Риохи, и что в течение почти всего средневековья на баскском говорили на землях Наварры, на полуострове и за Пиренеями, где тогда было королевство Наварра. Постепенно баскским перестали пользоваться на большей части Наварры, где Памплона стала двуязычной еще в XVI веке, и Алавы, в столице которой — Витории — родным языком пользовались в начале Нового времени только для разговора с жителями деревни. К этому времени на баскском перестают говорить в кастилизированной долине Мена и на территории Энкартасьонес в Бискайе, а затем баскский отступает из зоны левобережья Нервиона, на самого Бильбао, совсем недавно из Сан-Себастьяна и

старинного Эасо — его последнего оплота. Ныне зона эускера сведена, в основных чертах, к баскской части правобережья Нервиона, району Алавы, провинции Гипускоа и нескольким долинам в Наварре. Во Франции он захватывает земли Нижней Наварры, округ Субероа, или Суль, и берег от Бидасоа до Байоны.

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что Иберийский полуостров, представляя собой определенное целое и как географический, и как этнический комплекс, дает, с другой стороны, необычайно пеструю картину разнообразия антропологических, лингвистических и этнографических характеристик отдельных его народов и областей.

Перевод Н. Н. Садомской

SUMMARY

The article is devoted to an analysis of the ethnic history of the peoples of Spain from the most ancient times to the modern epoch. It contains data on the physico-anthropological and linguistic composition of the modern population of Spain and an ethnographic outline of isolated regional groups.

The article touches upon many important problems both of the ethnogenesis and the modern ethnography, like the correlations between linguistic, anthropological and ethnographic regional characteristics, the future perspectives of the regional isolation etc.
